

М. А. КУЗЬМИНА

МЕТАФОРА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

КУЗЬМИНА Мария Александровна - аспирант Новосибирского государственного университета.

В последнее время появление метафор на страницах научных трудов мало у кого вызывает удивление, настолько органично они вплетены в ткань языка науки. Так было не всегда: долгое время метафора «рассматривалась как "фигура приукрашивания", пригодная исключительно для эстетического освоения действительности, а потому допустимая в творческих текстах, но вводящая в заблуждение в любом "серьезном" сочинении» [1, с. 48]. Но наука не стоит на месте, и "генерируемые" ею "диковинные идеи" не могли не привести к "формированию новых методологических установок на особенности функционирования и закономерности научного языка" [2, с. 141]. Роль метафоры в формировании этих установок и в развитии языка науки нельзя переоценить. Метафора или употребление слова в переносном значении, перенос наименования одного предмета на другой - не только языковое средство выражения сходства, подобия и т.д.; метафора - специфический способ познания, без которого не обходится ни одно научное открытие.

Сегодня, когда в науке все более популярны идеи самоорганизации непредсказуемых процессов, в эпоху стремительно наступающих перемен, метафоризация (т.е. процесс образования метафор) как динамический аспект не только языка, но и мышления, как синтетический метод познания занимает едва ли не центральное место среди способов активно отвечать на вызов информационного общества. Несмотря на продолжающиеся попытки определять метафору лишь как "троп" (см.: [3, с. 289]), нельзя отрицать ее когнитивной способности.

Изменилось и содержание понятия "научное познание", "научная истина", а в свете этого должна быть переосмыслена роль метафоры в науке. Из положения *persona non grata* в научном языке метафора должна перейти в статус *vip*, который хотя и не признан частью научного сообщества, но не нуждается в обосновании для ученых, совершающих научные открытия. "Возможно, любая наука начинается с метафоры и завершается алгеброй; и вполне возможно, что без метафоры наука никогда не достигла бы никакой алгебры" [Black, цит. по: 2, 139].

Современный этап научного познания

Научить ли тебя, что такое знание? Считай знанием то, что знаешь, и считай незнанием незнание. Это и есть знание.

Конфуций

Объект науки: мир целостный или мир фрагментарный?

Наука - это "специфическая форма деятельности человека, обеспечивающая получение нового знания" [3, с. 310]. Но - знания о чем? Здесь возникает вопрос об объек-

те науки. "Что это - время, смысл, история, метафора, другой субъект или тот же мир вещей, на который направлено человеческое познание вообще?" [4]. И если идеал науки - это "познать мир как он есть сам по себе, как объективную реальность" [там же], то мир, - то есть та самая "объективная реальность", - в представлении людей предстает либо целостным, либо фрагментарным.

Долгое время главной задачей науки признавалось выявление причинно-следственных связей и законов, знание о которых получается с помощью опыта. Но в XX веке ситуация меняется. По мнению В.Н. Сырова, эпоха модерна характеризуется отходом от восприятия о мире как о законосообразном, возникновением нового понимания. Таким образом, "принцип единообразия природы является метафизическим допущением" [5]. Однако люди при построении собственных концепций, идей об окружающем мире всегда начинают с "метафизических допущений", своеобразных аксиом, или догм, которых они придерживаются. На этом и строится мировоззрение. И понимание, например, развития как "возмущений или флуктуации подсистем внутри систем вследствие обмена их веществом, энергией или информацией" [там же] или как "процесса становления качественно нового, связанного с событием в точке бифуркации" [6] тоже основывается на определенных "допущениях".

В чем же заключается новое понимание мира¹? Оно состоит в том, что мир полагается как фрагмент, как одна реализованная из многочисленных потенциальных возможностей. Развитие системы абсолютно непредсказуемо, но не в силу того, что субъект обладает ограниченными возможностями познания. "Причина состоит в том, что новые условия действительно появляются из других фрагментов" [5]. И мы никогда не сможем узнать, почему данное явление произошло, "поскольку повсюду лишь фрагменты". Вследствие такой "необусловленности" мир мыслится как событие, а не "знак явленности закона". Эти события появляются из других, неизвестных фрагментов, поэтому не подлежат никакому упорядочиванию. "В осмыслении тотально фрагментарного мы не можем никогда получить привилегированной позиции, а значит возможны любые прочтения" [6]. Мир уподобляется тексту, прочтение которого никогда не будет полным, а главное - исчерпывающим, части которого - такие же фрагменты, как и сам этот текст. Человек, таким образом, постоянно сталкивается с неизведанным - с Хаосом. "Главная проблема, стоящая перед отдельным человеком и перед любой цивилизацией, и перед человечеством - окружающая нас Неопределенность и Непредсказуемость. Хаос, стремящийся поглотить все. Энтропия, великое равновесие, океан, отсутствие какого-либо вектора. Ничто. Пустота" [там же]. Само понятие хаоса пришло из физики, "наиболее явной моделью хаотических процессов послужила термодинамика" [там же], однако хаос - это не только физическая неупорядоченность. "Он также в человеческом понимании несет метафизический смысл - Смерти, разложения, антитезы организованной жизни, а также необратимости" [там же].

Но человек дерзнул бросить вызов этой неопределенности, стал изучать сам Хаос, "и каждый круг науки раздвигал рамки описанной формулами реальности, продвигаясь все глубже в микро и макро мир" [там же]. Вооружившись всеми новейшими достижениями науки, человек "творит" вокруг себя порядок, ибо в соответствии с теорией хаоса в конце этой неупорядоченности, "в финале процесса" все-таки "возникает порядок, а не хаос" [там же]. Но это - "непредсказанный, непредсказуемый порядок; это нестабильный порядок; это очень сложный порядок, несводимый к простым уравнениям; и это порядок, который всегда будет измерим только частично" [Валлерстайн, цит. по: 6]. Как человек строит этот порядок, на что он опирается, если то, что он видит, - лишь фрагмент, и нет целой картины? Он может опираться на опыт "про-

¹ Это понимание не так уж ново. И. Пригожий и И. Стенгерс в книге "Порядок из хаоса" отмечают, что атомарное представление о мире восходит к Демокриту и Эпикуру, в работах которых прослеживается "стремление не принизить природу, а освободить человека от страха - страха перед любым сверхъестественным существом или порядком, превосходящим порядки, устанавливаемые людьми или природой" [7].

чтения" этих фрагментов, т.е. на традицию. "Прочитывание" фрагментов можно сравнить с английским правом: на каждый случай мы должны найти прецедент, бывший в прошлом.

Целостным, законосообразным, полным гармонии, а не хаоса виделся мир Альберту Эйнштейну: "Существует фактическая реальность, не зависящая от познания и восприятия. Ее можно полностью постичь с помощью теоретического построения, описывающего явления в пространстве и времени; однако обоснованием такого построения является только его эмпирическое подтверждение. Законы природы - это математические законы, выражающие связь между элементами теоретического построения, допускающими математическое описание. Из этих законов следует строгая причинность в упоминавшемся уже смысле" [8, с. 26]. Ю.М. Лотман, описывая свойства семиосферы - "семиотического континуума", отмечает такую ее особенность: "Несмотря на то что нам, погруженным в семиосферу, она может представляться хаотическим неурегулированным объектом, набором автономных элементов, следует предположить наличие у нее внутренней урегулированности и функциональной связанности частей, динамическое соотношение которых образует поведение семиосферы" [27, с. 20].

Итак, можно выделить два взгляда, принципиально различных. Согласно одному мнению, *Хаос - это сам мир*, в котором человек организует вокруг себя "островок" порядка, - таково стремление познающего субъекта к систематизации, таков призыв науки. Чем вызван к существованию сам мир? Согласно широко распространенной концепции, "Большим взрывом" (недаром она положительно воспринята приверженцами синергетики и теории хаоса). Вторая позиция исходит из другой посылки: *мир изначально упорядочен*, т.к. сотворен Создателем из *ничего* (ср. в теории хаоса: сам мир - "ничто", "пустота"), преобразован во "все", в нем имеются законы, которые предстоит открыть человеку, но которые он до конца не сможет постичь в силу того, что неизвестен ему ни замысел, ни будущее, а дана только объективная реальность - материальный мир. Хаос понимается не онтологически, а методологически; он субъективен, и человек стремится преодолеть его в первую очередь в себе, в своем понимании мира. А "понять ... означает суметь сделать выводы из принятой логической системы" [8, с. 36]. Так понятый, хаос помогает, как это ни парадоксально, упорядочивать жизнь. И методологическое применение теории синергетики может открыть новые горизонты в самых различных областях наук. Об этом свидетельствует необычайная популярность сегодня идей синергетики, или теории самоорганизации.

Таким образом, человек через неупорядоченность - через внутренний хаос - движется к пониманию, вырабатывает "логическую систему", т.е. свое видение этого мира, свой способ его изучения. И если опора на традицию, на опыт "прочтения" направлена в прошлое, то выявление законов в этом целесообразном, гармоничном мире направлено в будущее.

Следовательно, "метафизические допущения", о которых говорилось выше, необходимы для понимания и мировоззрения человека, и метода, которым он пользуется. На мой взгляд, первое со вторым всегда связано. Поэтому, рассмотрев разные взгляды на мир - мир как целое и мир как фрагмент, - мы переходим к вопросу о методологии складывающейся "новой науки" [6].

Методология "новой науки"

Оба отмеченных взгляда на научный объект - мир целостный и мир фрагментарный - рассматривают науку как антипод хаоса. Эйнштейн так объясняет стремление к научному познанию: "это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жесткостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей. Эта причина толкает людей с тонкими душевными струнами от личных переживаний в мир объективного видения и понимания" [8, с. 5-6]. Он сравнивает это стремление "с тоской, неотразимо влекущей горожанина из шумной и мутной окружающей среды к тихим высокогорным ландшафтам" [там же]. Вторая причина, как пишет Эйнштейн, "позитивная", состоит в том, что "человек стремится каким-то адекватным образом

создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной" [там же: 6]. Организуя мышление и окружающий мир, "сама наука... решает, какая реальность должна быть выделена и описана" [9]. То есть она сама "строит" реальность: для науки реально то, что она может описать. Известный методолог Г.П. Щедровицкий подчеркивал, что исследование начинается не с реальности. Наука сложилась на понимании того, что "научное исследование есть исследование идеальных объектов, сконструированных людьми - философами и учеными, - и поиск законов, описывающих эти идеальные объекты" [10, с. 235].

Итак, наука - это "организованное знание" (Г. Спенсер). Каким образом оно организовано - это вопрос методологии.

В XX веке наступает своего рода кризис методологии: обнаруживаются изъяны в самой организации науки. "Выявилась непродуктивность отождествления объекта и вещи, реальности и мира вещей. В сфере научных исследований фиксируются пульсирующие, волнообразные, самоорганизующиеся, прямо не воспроизводимые объекты... Возникает необходимость философского обоснования перспектив науки" [3, с. 310-311].

В связи с этим обосновывается несколько новых научных парадигм, имеющих общенаучное значение. "Методологи науки выделяют сегодня три таких крупных парадигмы, имеющих особое значение для понимания единства научного... знания - это системный подход, общая теория информации... и, наконец, новая концепция самоорганизации, возникшая в рамках синергетики" [6]. Последняя из парадигм показала свою применимость в различных науках, и хотя "положения синергетики... не являются единой парадигмой для всех наук", "она дает методологическую основу и аналитический инструментарий для исследования неустойчивых ситуаций, переходных процессов... в самых разных науках" [там же]. Поскольку именно эта парадигма характеризует "новую науку", подробнее остановимся на ней.

Основы синергетики разработаны в трудах И. Пригожина и И. Стенгерс, которые на примере термодинамики начали строить уравнения, описывающие непредсказуемые процессы. В своей книге "Порядок из хаоса" авторы отмечают смену основных категорий и постулатов классической науки новой научной парадигмой. Если раньше в научном мире считалось, что законы проявляются только в том, что незыблемо и устойчиво, то современные исследования показали, что сама неустойчивость и необратимость приобретает характер закона. "Мы обнаружили, - пишут Пригожий и Стенгерс, - что в природе существенную роль играет далеко не иллюзорная, а вполне реальная необратимость, лежащая в основе большинства процессов самоорганизации. Обратимость и жесткий детерминизм в окружающем нас мире применимы только в простых предельных случаях. Необратимость и случайность отныне рассматриваются не как исключение, а как общее правило" [7].

Итак, современная наука описывает различные процессы: "одни... при существующем уровне знаний допускают описание с помощью детерминированных уравнений, другие требуют привлечения вероятностных соображений" [7]. Общее у этих процессов то, что они протекают в сложно устроенных системах, описание которых отличается от описания составляющих их элементов. Современная наука - это "наука о сложном" (В.О. Неделский). Синергетика преодолевает «столкновение между тем, что часто принято называть "двумя культурами", - между естественными науками и гуманитарным знанием» [7]. Происходит методологическое объединение наук, «и это делает традиционное различие между "жесткими" и "мягкими" науками устаревшим подходом - не потому, что социология в конечном счете уподобляется физике, а потому, что физика в конечном счете уподобляется социологии» [6]. Такие методологические прорывы обеспечивают необходимость и одновременно объясняют широкое распространение метафоры в современных социальных науках.

Так, взаимообмен методами, который наблюдается в естественных и гуманитарных науках, можно продемонстрировать на примере "биологической метафоры" в

экономике. Многие ученые обращали внимание на общность экономической и биологической жизни, однако плодотворным заимствование терминов стало тогда, когда была определена "единица селекции". Выдающемуся американскому ученому Т. Веблену... принадлежит идея о том, что [социальные] институты могут быть уподоблены генам и что эволюция и в хозяйственной системе, и в живой природе проходит по аналогичным законам... Независимо от Веблена аналогии с биологическими процессами получили развитие в сциентологии (науке о развитии знания) и теории права. Такой подход получил название "биологическая метафора" [11, с. 392]. Такими метафорами в экономике являются, например, термины: *хредный эффект*, *селекционный отбор*, *эффект гиперселекции* и др. [там же: 394].

М.А. Розов указывает на наличие в научном познании "как бы двух векторов движения мысли": первый - "это путь буквального понимания уже полученных знаний, путь решения конкретных задач в рамках имеющихся теорий или накопленного практического опыта. Второй - превращение уже имеющихся знаний в образец для построения новых методов, новых теорий или научных дисциплин" [12, с. 15]. Второй путь научного познания невозможен без методологического мышления. "Методологическое мышление... связано с использованием уже имеющихся методов, теорий, научных дисциплин в качестве образцов при обсуждении трудных проблем или при построении новых сфер исследования", оно "предполагает выход за рамки той или иной узкой специализации, оно в принципе является междисциплинарным" [там же, с. 7]. Автор указывает на изолированность факультетов в современных университетах как на препятствие развития такого типа мышления. Он приводит слова Д.К. Максвелла о том, что знание исследователем "одной науки может стать чрезвычайно полезным подспорьем при изучении другой" [там же, с. 5]. Г.П. Щедровицкий в этом же видел роль формального образования, которое у нас в стране повсеместно заменялось "материальным": "Мы сегодня закладываем в головы выпускников наших вузов знания, которые противоречат тому, что им будет нужно в их дальнейшей деятельности... То, что мы закладываем - в силу детализированности и предметной конкретизации... - вот это и есть дезинформация" [10, с. 77]. Данные авторы указывают, что впитать "дух науки" можно, лишь общаясь с представителями других специальностей, расширяя и укрепляя свою методологическую базу.

Призыв к методологическому обмену можно рассматривать и как предложение теоретизировать метафорически. Такой способ познания - это "путь методологического мышления, путь метафор и категориальных программ, позволяющий заимствовать опыт отдаленных областей знания" [12, с. 15]. Таким образом, *методологическое мышление* - то же, что *метафорическое мышление*, - "особый строй, стиль и логика мышления, когда мысль движется от метафоры к метафоре, когда с каждой рожденной метафорой формируются новые метафорические установки, интенции" [2, с. 135]. Итак, методологическое объединение наук на современном этапе становится все более плодотворным на основе обращения к метафоре.

Использование метафор в качестве аргументации известно давно, но правомерно ли говорить о метафоре как о *научном методе!*

Галилей, обосновывая свое учение о движении, использовал метафору. И эффективность способа его рассуждений связана как раз "с применением механизма действия главной из риторических фигур - метафоры" [13, с. 125]. В XVII в. существовали две парадигмы движения: первая относилась к "компактным предметам в неподвижной среде большого пространственного объема" [там же] (например, камень, который роняют с башни); вторая относилась к движущимся системам (например, перемещение предметов внутри корабля). Галилей заменяет первую парадигму движения второй парадигмой, таким образом распространив эту последнюю на все вообще явления. Эта замена парадигмы и есть метафора (с точки зрения субстантивистского взгляда на метафору). При этом "Галилей, желая сохранить всю познавательную эффективность (а не только эффективность аргументации) приема наложения двух парадигм... не мог эксплицитно обнаружить условия, при которых эта ассимиляция и это слияние были

возможны...". Если бы он это сделал, то он "сказал бы слишком много, утратив при этом силу проникновения, которую в определенных случаях может обеспечить только имплицитная, глубинная модель" [там же: с. 128].

"В точке соединения двух понятийных схем, двух языков" и зарождается метафора, и "эта черта наделяет ее исключительной способностью выполнять функцию первого плана в системах, которые по каким-либо причинам ориентированы на сложность, неоднозначность или невыразимость определенного содержания" [там же: с. 126]. Представление одного с помощью другого и есть неотъемлемое качество научного метода. В основе методологического мышления лежит убежденность в том, что "в своих глубинах наука едина" [там же: с. 16], и это представление о единстве науки связано с представлением о единстве, целостности и взаимосвязанности всего в мире. Раскрыть эту связь помогает метафора - «ключ, открывающий почти все потаенные двери сознания и, в то же время... "мостик", позволяющий перешагнуть через научную одно-дисциплинарность» [1, с. 32].

Роль метафоры в научном познании

Выяснилось также, что метафора - самая плодотворная вещь в науке.

Г. Хазагеров

За всю историю изучения метафоры накопилось множество определений этого явления. Вот лишь некоторые из них: метафора - это "язык страсти" (Роджерс), "коллапс значения" (Рикер), "черная дыра языкового мира" (Фрезер), "категориальная ошибка" (Райл), "солнечное затмение в сфере языка" и т.д. [2, с. 83]. Кто-то может подумать, что если метафора "рисует словами", это значит, что дальше слов метафора не проникает. Так ли это? Мы согласны с Ричардсом, утверждавшим, что "метафорична сама мысль" [14, с. 47]. И наука в этом смысле не только не является исключением, но демонстрирует метафоричность научной мысли в полной мере.

Научный язык, в отличие от обыденного, считается формализованным и более точным. Каждое понятие призвано иметь точное определение, так что, представляется, метафоре с ее неопределенностью и семантической диффузностью не может и не должно быть места в четком, доказательном мире науки. Так ли это на самом деле? Есть ли место метафоре в научном языке? Постараемся ответить на этот вопрос.

Оказалось, что «наука более мифологична, нежели думал о ней XX век... Доказательство Куртом Гёделем в 1931 г. знаменитых теорем "о неполноте формальных систем" и "о невозможности доказательства непротиворечивости формальной системы средствами самой системы" показало, что интеллектуальные процедуры всюду работают одинаково: любая теория зиждется на некоем наборе догм» [15, с. 312], поэтому "попытки построения идеально формализованной языковой системы обречены на неудачу" [2, с. 31]. Научные описания объектов не могут составить исчерпывающие определения. Если внутри принятой системы невозможно найти решение, то необходимо выйти за ее границы: "всякая кажущаяся дисгармония между опытными фактами может быть устранена только путем надлежащего расширения этой системы понятий" [16, с. 114]. Н. Бор формулирует принцип дополнительности применительно к физическим объектам: "дополнительность мы понимаем в том смысле, что оба аспекта [свет как волна и свет как частица] отражают одинаково важные свойства световых явлений, причем эти свойства не могут вступать в явное противоречие друг с другом" [там же: с. 18]. Данный принцип стал общенаучным, фундаментальным, ученые различных научных дисциплин обращаются к понятию дополнительности, в котором "мы имеем дело с рациональным развитием наших способов классифицировать и понимать новые факты, которые по своему характеру не находят себе места в рамках причинного описания" [там же: с. 43]. Известно, для того, чтобы увидеть лучше, надо

подняться выше на одну ступень или сделать шаг назад - в любом случае, увидеть перспективу, большую, чем та, которая была прежде. Роль перспективы зачастую играет другая наука, из которой берутся схемы, образы и целые парадигмы, осмысление которых происходит *метафорически*.

"Научная революция как процесс интенсивного генерирования качественно нового знания... вызывает с необходимостью острую потребность коренного переструктурирования семантического поля терминов" [2, с. 33]. Новая информация вызывает состояние удивления и "*немоты*" - как перед внезапно открывшимся простором, и эта информация требует нового языка, *языка новизны*. "Ситуация немоты - сложный процесс осознания несостоятельности старого языка освоить новую информацию, понимание необходимости разработки нового преимущественно метафорического языка" [там же: с. 80]. Существует генетическая связь метафоры и новизны: "новое может быть высказано только метафорой, а в любой метафоре непременно присутствует нечто новое" [там же]. Выражаясь словами Свенсона, метафора приглашает ученого к открытию. "Как в искусстве, так и в науке... действительно креативная метафора всякий раз представляет собой пусть маленькое, но *открытие*" [17, с. 111]. Без нее невозможен никакой прорыв в неизвестность, в непознанное. В этом - в артикуляции нового - и состоит важнейшая роль метафоры в науке. Развитие любого языка, в том числе и научного, "немыслимо вне возможности работы основных его функций в метафорическом режиме" [2, с. 81]. В личностном обмене новой информацией метафора выступает своеобразным "квантом общения". Когда исследователь стремится высказать то новое, что он открыл, а имеющиеся средства научного языка не позволяют ему это сделать, он прибегает к метафоре. На стадии открытия самое главное - вербализовать новое знание, не точно, а образно выразить авторскую мысль. Именно метафора успешно выполняет эту задачу.

Использование метафор неизбежно в любых областях познания мира, ибо стремление человечества к знанию в ближайшее время будет превышать возможности обретения этих знаний. Использование же метафор в познании мира - один из наиболее успешных инструментов, поскольку метафоризация "является средством формирования параморфной модели, позволяющей представить данную систему с помощью системы, принадлежащей иной сфере опыта, где данный элемент представлен более очевидно" [Molino, цит. по: 18, с. 13]. "Роль метафоры в расширении наших научных представлений поистине легендарна: в своей модели атома Бор использует структуру солнечной системы, Максвелл представляет электрическое поле через свойства жидкости, атомы - как бильярдные шары и т.д. Таким образом, даже наука не является образцом буквального языка, как считалось прежде; более того, метафора, живо присутствующая в процессах моделирования, обеспечивает развитие науки" [Cornell Way, цит. по: 19, с. 2].

Метафора и научная истина

Истина имманентна, и нет ничего более высокого. Мы же вынуждены рассуждать в рамках той или иной теории.

У.О. Куайн

Вопрос об истине "является предметом разногласий между различными философскими направлениями с древнейших времен до наших дней" [3, с. 239]. Истина определяется как "соответствие человеческих знаний действительности, совпадение человеческой мысли и объекта", она "фиксирует объективное содержание человеческих знаний" [там же]. По мнению Дильтея, если бы мы, сравнивая естественные и гуманитарные науки, предположили бы существование у них различных объектов, это привело бы к признанию двух различных видов бытия. Различия же в науках, считает

Дильтей, происходят из "своеобразия установок мышления, ориентации сознания, наличия двух специфических видов опыта - внутреннего жизненного опыта... и внешнего чувственного опыта" (см. [20, с. 40]). Гегель вообще отрицает какие бы то ни было "установки", настаивая на отходе от предметности: «истина познается лишь в результате полного снятия предметности мышления в "абсолютном" знании» [там же: 16]. Разоблачая "наивные допущения немецкого идеализма", Гадамер пишет, что "ни чистого восприятия, ни чистого высказывания не существует" [см. там же, с. 17]. Предметность, отрицаемая Гегелем, - определенная область объекта, которую изучает наука, используя при этом необходимый инструментарий, или методологию, - "науку о построении человеческой деятельности" [3, с. 289].

Деятельностный подход используется для характеристики человека в его взаимодействии с окружающей средой и позволяет показать "его [человека] объективное место в мире и вместе с тем выявить те потенциальные возможности, на которые может опереться человек в поисках нового" [21, с. 13]. К. Маркс, критикуя предшествующий материализм, отмечал, что главный недостаток последнего заключался в том, что "предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта... а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно" [цит. по: 22, с. 108]. Несомненно, "надо понимать, что для организации нашей деятельности нужен принцип. И надо рассматривать все знания с точки зрения употребления их в деятельности и в мышлении, а не с точки зрения истинности" [10, с. 185]. В результате человеческой деятельности объект предстает под разными "углами зрения", которые определяются, в свою очередь, "теми средствами, которые разрабатывает научная дисциплина... Получаемые при этом абстракции могут представляться как проекции объекта" [там же: с. 147].

Но у разных ученых абстракции получаются разными. Вопрос в том, какая из них верна, "истинна"? Ответ мы найдем, рассмотрев проблему в двух аспектах: 1) что именно представляют собой эти абстракции и 2) применим ли к ним критерий истинности.

"Физические понятия суть свободные творения человеческого разума, а не определены однозначно внешним миром, как это иногда может показаться" [8, с. 66]. Эйнштейн говорит о физических понятиях, но эта мысль может быть применена и ко всем вообще научным понятиям. Поиск понятий - это поиск верной метафоры, воплощающей вполне, образно репрезентирующей, схематизирующей идею, концепцию, теорию ученого. Когда идет поиск нового, он не может осуществляться иначе как на языке новизны (см. выше). Существует три стадии поиска нужной метафоры. Во-первых, происходит внутренняя вербализация открытия автором, "вербализация для себя". Во-вторых, автор ощущает необходимость сообщения нового знания другим, сообществу, - происходит "объективация нового". И, наконец, в-третьих, новое знание "опредмечивается" "в сфере задач практики (аспект "широкой" популяризации)" [2, с. 94]. Так возникают метафоры "на входе", т.е. когда понятие только возникло в сознании исследователя, оно расплывчато и неясно, и "на выходе", когда понятие-метафора отточено, встроено в теорию или в существующий в данной науке язык. Метафора "на выходе" "обрастает" нужными и плодотворными для развития теории потенциальными прочтениями и обладает высокой познавательной способностью, поскольку по мере ее развития знание будет углубляться и уточняться, а не размываться. Эта "проверка временем и употреблением" и является критерием удачности метафоры, ведь в конечном счете человек должен в первую очередь не сказать, а быть услышанным. Удачная метафора - лучшее средство для достижения этого.

Приведем пример двух метафор в качестве основы социологической теории. Речь идет о двух изданиях книги С.Г. Кирдиной "Институциональные матрицы и развитие России". Автор утверждает, что любое общество имеет в своей основе один из двух типов институциональных матриц, который зависит от материально-технологической среды, в которой возникло данное общество. Для названия матриц автор использова-

Автор выражений о метафорах "на входе" и "на выходе" С.Г. Кирдина.

ла сначала культурологическую метафору "Восток - Запад" (в данной теории это "коренная метафора", которая "вербализует наиболее важный аспект новой информации" [2, с. 134]). "Мы назвали эти матрицы восточными и западными", - пишет С.Г. Кирдина в первом издании книги. «Такое определение, с одной стороны, опирается на известные в научной среде дуальные оппозиции "Восток - Запад", используемые при характеристике своеобразия общественных структур. С другой стороны, такое определение стилистически нейтрально и не носит оценочного характера» [23, с. 26]. Однако, хотя автор и пишет о том, что "базовые социальные институты существуют независимо от культурного контекста" [там же], но восприятие мира культурологически разделенным на Запад и Восток настолько сильно в обществе и в научной среде, что такие коннотации оказались нежелательными для данной метафоры - восточных и западных матриц. Не совпадая с культурологической дихотомией, эта метафора внешне соотносилась с ней, что вносило некоторую терминологическую путаницу. Поэтому автор в корне изменила название матриц, взяв метафору из науки, неоднократно уже "поставлявшей" термины социальным наукам, - из биологии, а точнее, генетики. Во втором издании, переработанном и дополненном, речь идет об X- (бывшей восточной) и Y- (бывшей западной) матрицах [24]. Эта метафора оказалась настолько удачной первой, что была признана научным сообществом. Кроме того, эта метафора закрепилась и в следующей книге этого автора - "X и Y экономики: Институциональный анализ" [25]. Таким образом, "в ходе разработки метафорического каркаса наблюдается элиминация ложных направлений развертывания метафорической мысли и тем самым происходит наведение внимания ученого на путь адекватной вербализации" [2, с. 139].

Г.Г. Кулиев справедливо отмечает, что "правомерно говорить о том, что каждый ученый не только своим путем приближается к истине, но и своими метафорами открывает свою истину для других" [там же: с. 109]. Рассматривая метафору не как вид знания, а как способ познания, мы не можем измерять ее "по мерке истинности" [26, с. 190]: метод сам по себе не может быть истиной или ложью, о методе судят по тем результатам, которые он дает в той или иной области знания. Мы не можем так оценивать метафору еще и потому, что она обладает диффузностью и "информационной избыточностью", которая проявляется двояко: с одной стороны, она "содержит возможность ошибочной интерпретации метафоры", "а с другой, представляет в некоторых случаях единственно возможные условия передачи необходимой информации" [2, с. 97]. Данная проблема решается «в процессе построения метафорического языка, когда с каждой "дополнительной" метафорой "отсекаются каналы" восприятия нежелательных шумов» [там же]. Вписанная в язык науки, метафора своим появлением приводит к "парадигматизации" нового знания, и для этого она должна обладать «свойствами, обеспечивающими "безболезненную" ее трансформацию в понятие» [там же: с. 101]. В отличие от поэтической метафоры, для которой подобная трансформация противопоказана, научная метафора будет частью языка науки только при соблюдении этого условия.

Итак, отвечая на поставленный вопрос, можно сказать, что абстракции, с которыми имеет дело ученый, суть метафоры, которые в процессе своего развития и вписывания в теорию становятся научными понятиями. Метафора как способ научного познания приближает нас к научной истине, но сама не может быть оценена в рамках истинности или ложности, как и любая теория.

Как и теория, метафора, не описывая реальность во всех ее аспектах, тем не менее особым образом приближает нас к постижению окружающего мира, в глубинах которого сокрыта истина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лагута О.Н.* Метафорология: теоретические аспекты. Часть 1. Новосибирск, 2003.
2. *Кулиев Г.Г.* Метафора и научное познание. Баку, 1987.

3. Современный философский словарь. М., Бишкек, Екатеринбург, 1996.
4. *Быстрицкий Е.К.* Понимание - окно в новый мир? // Загадка человеческого понимания / Под общ. ред. *А.Л. Яковлева*. М., 1991. С. 221-234. Интернет-ресурсы <http://www.bystrytsky.org/Ponim91.htm>
5. *Сыров В.Н.* Научное познание в условиях утраты идеи целостности мира // Методология науки: человеческие измерения и дегуманизирующие факторы научного познания. Томск. Ротапринт ТГУ. 1996. С. 147-152. Интернет-ресурсы http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/Syrov_3.htm.
6. *Недельский В.О.* Переходные системы: теория прогресса и теория хаоса // Русскш Мирб. 2002. № 6.
7. *Пригожий И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса // Интернет-ресурсы <http://dr-gng.dp.ua/library/chaos/OO.htm>
8. *Эйнштейн А.* Эволюция физики. Сборник. Изд. 2-е, исп. М., 2003.
9. *Куайн У.О.* Вещи и их место в теориях // Интернет-ресурсы <http://www.philosophy.ru/library/quine/quinel.html>
10. *Щедровицкий Г.П.* Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 5 ОРУ (5). М., 2003.
11. *Нестеренко А.Н.* Экономика и институциональная теория. М., 2002.
12. *Розов М.А.* Методологическое мышление и задачи университетского образования // Философский факультет. 2000. № 1. С. 5-17.
13. *Тальягамбе С.* Зрительное восприятие как метафора // Вопросы философии. 1985. № 10.
14. *Ричарде А.* Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990.
15. *Кураев А.*, диакон. Конфликт или союз случаев в отношениях веры и науки? (заключительная статья) // Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. М., 2001.
16. *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.
17. *Баранов Г.С.* Научная метафора. Модельно-семиотический подход. Часть 1. Кемерово, 1992.
18. *Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и речи. М., 1988. С. 11-26.
19. *Condon C.* A Semiotic Approach to the Use of Metaphor in Human-computer Interfaces: A Thesis... Doctor of Philosophy. Brunei University, 1999.
20. *Михайлов А.А.* Современная философская герменевтика. Критический анализ. Минск, 1984.
21. *Фарман И.П.* Воображение в структуре познания. М., 1994. Интернет-ресурсы <http://www.philosophy.ru/iphras/library/farman/voobr.html>
22. *Баранов Г.С.* Научная метафора. Модельно-семиотический подход. Часть 2. Кемерово, 1993.
23. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
24. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001. Изд-е 2-е, перераб. и дополн.
25. *Кирдина С.Г.* X и Y экономики: Институциональный анализ. М., 2004.
26. *Суровцев В.А., Сыров В.Н.* Метафора, нарратив, языковая игра // Методология науки. 1998. Вып. 3. С. 186-197.
27. *Латман Ю.М.* О семиосфере // Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1.